

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ СУБСТРАТНЫХ ТОПОЛЕКСЕМ

В этимологических изысканиях географических названий выявление субстратной лексики сопряжено с большими трудностями, которые хорошо известны топонимистам и достаточно полно освещены А. К. Матвеевым в учебном пособии (1986). Поиски еще не раскрытых лексем затруднены по той причине, что исходная форма слова подверглась сильной адаптации на суперстратной языковой почве или же изначальный облик существенно изменился в общем потоке более поздних фонетических изменений. Так, в уральской гидролексеме **si* 'речка, река; протока' сибирянт **s* на марийской почве изменился в *š*, ср. географические названия удм. *Си, Сишур, Сива, Сияк* и мар. *Шийсола, Шишур, Шинер*. Известно, что в истории марийского языка свистящие превратились в шипящие: переход \acute{s} (\acute{z}) > \check{s} (\check{z}), состоявшийся, по мнению Д. Е. Казанцева, до XIII века, был общим для всех диалектов, кроме того, в немногих горномарийских словах \acute{s} > *s*; после XIII века начался переход *s* (*z*) > \check{s} (\check{z}), весьма интенсивный в луговом, горном и северо-западном наречиях, в которых он коснулся и многочисленных слов, вошедших из чувашского языка, а также некоторых татаризмов и ранних русизмов. Вместе с тем подмечено, что в уржумском, малмыжском и кильмезском диалектах судьба первоначального *s* (> *z*) зависела от позиции в составе слова: в словах с переднерядными гласными *s* (*z*) > \acute{s} (\acute{z}), в словах с заднерядными гласными *s* (*z*) в основном сохранился в неизменном виде, лишь в единичных случаях отмечен переход *s* (*z*) > \check{s} (\check{z}) (Казанцев 1973 : 125).

Причиной указанных звуковых изменений Б. А. Серебrenников считал тенденцию к улучшению языкового механизма (1988 : 114—116).

Фонетический облик слова **si* изменился, очевидно, вследствие утраты им лексического значения. При этом любопытно, что видоизменившаяся после **s* > \acute{s} уральская гидролексема сопала по внешнему облику с $\check{s}\bar{i}$ 'серебро' (марийское название серебра сопоставимо с аналогичным мордовским названием, ср. эрз., мокш. *сия* 'серебро' (РЭС 339; Поляков 1990 : 128); И. С. Галкин этимологизирует его как заимствование из древнеиранских языков, в частности из языка абашевцев, и для сравнения приводит древнеперс. *siyatam* 'сделанный из серебра' (1986 : 40); кстати, в иранистике название серебра расценивается как греческое заимствование в иранских языках (Оранский 1979 : 67; ОИЯ 40)), расширив тем самым круг марийских лексических омонимов. Поэтому неслучайно в лингвистической интерпре-

тации ойконима *Шийсола* (Волжский р-н Марий Эл) элемент *ший* связывается с названием серебра, см. работы В. В. Кузнецова (1983 : 23) и И. С. Галкина (1985 : 23). Однако такое толкование не учитывает данных исторической фонетики марийского языка.

Нередко временной разрыв, существующий между новообразованием и более древней его формой, удается сократить за счет варианта, уцелевшего в названии другого физико-географического объекта, в отдельных официальных документах и иных материалах, а также в памяти коренных жителей.

Так, ойконим *Шийсола* имеет вариант *Сисола*. Мотив такого наименования вовсе не случаен, ибо вблизи нее имеется протока *Сизе*. При словосложении гидронима *Сизе* с топоформантом *сола* в композите произошли определенные фонетические изменения: вследствие выпадения палатального *e* звонкий щелевой *з* под действием контактной регрессивной ассимиляции оглушился, и в конечном счете соседствующие сибиллянты слились в один звук.

При установлении языковой принадлежности тополексемы, реконструкции более древнего ее фонетического облика и воссоздании ее первоначального значения могут встретиться весьма серьезные и даже неразрешимые затруднения. Однако и здесь не все безнадежно, если четко отграничивать синхронный план исследования от диахронического и последовательно оперировать при этом данными исторической фонетики родственных и неродственных контактирующих языков, избавляясь от скудости сопоставимого материала.

Интересно с этих позиций рассмотреть название исчезнувшей деревни *Чумбар* (офиц. *Чумбари*) Советского района Марий Эл.

Местный историк В. Галкин, заострив внимание на некоторых вопросах истории деревни, а также на объяснении ее названия, отмечает: «На левом берегу реки Малый Кундыш была расположена деревня Чумбари. Основана она выходцами из Тапшера и поэтому в официальных документах за 1912 год значилась как Малый Тапшер. Об этом свидетельствовал и смешанный состав деревни: здесь проживали русские и марийцы. Название *Чумбари* можно растолковать так. Слово *чумба* обозначает — люди с кибитками, которые переезжают с одного места на другое. Сами себя жители той деревни так не называли, по-видимому, название дано крестьянами соседних деревень. По данным за 1910 год в этой деревне было 39 дворов» (1989 : 3).

Однако подобная интерпретация ойконима не приемлема: во-первых, деревня расположена не на левом, а на горном правом берегу реки Малый Кундыш; во-вторых, в более ранних официальных документах (например: Материалы по статистикѣ Вятской губерніи 1887: 63, 67) она уже значилась как *Чумбари*; в-третьих, мар. *чумба* означает острогу, а не людей с кибитками (МРС 393). Это слово не зафиксировано в словарях русского языка и не имеет русских диалектных соответствий.

По мнению И. С. Галкина, название деревни восходит к заимствованию в русском языке из татарского *чембари* 'широкие кожаные или холщовые шаровары', ср. тат. *чамбар*, *чумбар* то же, и название дано по прозвищу-характеристике жителей деревни (1991 : 128). Предположение весьма заманчиво, тем более что исследование тюркизмов в русских названиях одежды подтверждает наличие слова *чембары* (*чамбары*) в русской языковой среде. Как указывает Р. А. Юналеева, форма *чамбары* с вариантами *чембары*,

чумбары, чанбары, ченбары, отсутствующая в литературном языке, встречается в строго очерченном диалектном регионе, отмечена в уральско-сибирских говорах: пермском, оренбургском, сибирском, тюменском, восточноказахском, ишимском, новосибирском, томском, кемеровском, алтайском, южносибирском, красноярском, енисейском, хакасском, иркутском (1982 : 67). Наличие вышеуказанных вариантных форм объясняется, видимо, параллельным заимствованием уральско-сибирскими говорами из разных тюркских языков и диалектов. Формальная адаптация воспринятых вариантов произошла по внутренним законам русского языка, т.е. по аналогии с названиями парных предметов (гетры, лосины, ноговицы, порты, трусы, шорты, штаны и т.д.), в их структуре появился показатель множественного числа *-ы*. Любопытно, что Р. А. Юналеевой зарегистрировано следующее значение рассматриваемой лексемы: 'широкие холщовые или кожаные рабочие штаны, надеваемые поверх одежды, чтобы не попадали в обувь снег или земля'. По ее мнению, такие штаны использовались на лесоразработках, охоте, рыбалке, отхожих промыслах и при верховой езде (1982 : 67).

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что рассмотренные фонетические варианты в исходной позиции своей структуры имеют гласный среднего ряда *ы*. Появление гласного *и* в исходе слова объясняется тем, что он выступает в роли аффикса со значением групповой множественности, с его появлением связано перемещение ударения на конечный слог слова, смягчение вибранта *р*, ср. [чумбл'ры]. В говорах русского языка имеются и другие формы для обозначения групповой множественности: *чанбарышки* — пренебрежительное от *чанбары*, *чембарчики* — уменьшительно-ласкательное от *чембары* (Юналеева 1982 : 67).

Как явствует из вышеизложенного, ойконим *Чумбар* легко интерпретируется на лингвистическом материале. И все же такая этимология остается неполной, ибо не содержит исторических комментариев — лексические факты не соотнесены с реалиями жизни марийского народа. Топонимист-этимолог не должен механически отождествлять слова различных языков по их внешнему созвучию. Несоблюдение такой установки обычно уводит исследователя с верного пути. Так, название деревни *Шинерь* (*ши* < ур. **si* 'река, речка; протока' + мар. *нер* < *энер* 'река, речка', см. Куклин 1993 : 44—54) ~ *Кинерь Старый*, расположенной при безымянном ключе на Уржумском торговом тракте в 76 верстах от г. Казани (Мамсинская волость Казанского уезда), А. И. Износков, ссылаясь на «Корневой чувашско-русский словарь» Н. И. Золотницкого, толкует из сочетания джагатайского *шен* 'населенный' с марЛ *кине* 'конопля' и тат. *ерь* 'земля, страна': по его мнению, *Шинерь* ~ *Кинерь* 'обильные веселье конопляники'. Со временем эта этимология подвергалась им существенным модификациям в семантической мотивировке. Отталкиваясь от мысли, почерпнутой в «Лингвистических заметках о названиях Булгар, Биляр, Моркваци» (Казань 1879) Н. И. Золотницкого, он объяснил *кинэрь* (чув. *кине сырь*) как 'местность, в которую вошли' (Износков 1885 : 7—8).

Даже просто анализ частных фрагментов топонима по возможности должен учитывать моменты регионально-этнического и исторического характера.

Изучение археологических материалов показывает, что до прихода мари у истока реки Малый Кундыш и по ее верхнему течению обитали древние удмурты. А. А. Спицын приписывает найденные им памятники «чуди пижемским»: «Отдельные предметы чудского типа и вещи более позднего

происхождения найдены в следующих местностях Яранского и Уржумского уездов: д. Малые Ключи (близ устья Пижмы), д. Бурьгина на Немде, д. Б. Туманур, с. Тужи, поч. Речваж (близ с. Шаранги), поч. Лоскутов, с. Уста, поч. Высокогневский, поч. Казанский, д. Кожи (близ Яранска), д. Килимары, с. Кувшинское, г. Царевосанчурск, с. Кокшага, д. Куглянур, д. Чумбары (выделено нами — А. К.), д. Бажина, с. Черемисский Малмыж, поч. Тарасовский, с. Лопъял» (Спицынь 1889 : 34). Археологами во многих местах современной территории Марий Эл обнаружены удмуртские городища, называемые *одо илем* 'вотское жилище': Ернурское, Кармановское, Шуйское, Кузнецовское (Спицынь 1888 : 217; 1889 : 34; 1893 : 96; Кротовъ 1892 : 380—382), Старосельское, Юшковское, Верхнережежское, Мари-Бияморское (Архипов 1976 : 145).

Как свидетельствуют другие источники, вся северо-восточная часть Марий Эл до появления здесь мари была занята удмуртами или *удмари* (как называют кое-где удмуртов сернурские мари) (Янтемир 1927; 1928; 1929). Их значительная часть под давлением переселившихся сюда мари ушла за Вятку, последние же в свою очередь были вытеснены русским колонизационным потоком из Костромского Поволжья и Поветлужья.

Следовательно, версию о тюркском (татарском) происхождении ойконима *Чумбар* следует считать неправомерной.

Выяснению этимологической природы рассматриваемой лексемы помогают удмуртские топонимы: *Чумбэр*, *Чум бэр шур* — Увинский р-н Удмуртии (Кириллова 1992 : 139), *Чумберьяг* — деревня в Балезинском р-не (СГНУ 145), *Чумвырсик* — название леса в д. Быги Шарканского р-на (Атаманов 1988 : 148).

Судя по структуре удмуртских топонимов, ойконим *Чумбар* является композитой из основ *чум* и *бар*. Совр. удм. *чум* 'клеть, амбар (для одежды)' (УРС 479). Следует отметить, что в удмуртской топонимике зафиксированы еще два значения (возможно, даже более старые): 'шалаш; лесная (охотничья) избушка' (Атаманов 1988 : 148).

Этимология слова *чум* в пермистике считается установленной. В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев, сопоставляя коми3 *чом* 'шалаш; конура; маленький домик в виде клетки (из досок для детских летних игр)' и различные его диалектные варианты с комиЯ **с̄ит* 'амбар', комиП *чом* 'клеть'; удм. *чум* 'клеть (для одежды)', восстановили общеперм. **с̄от* 'шалаш, амбар, хлев, чулан, пристройка к дому; маленькое (по сравнению с жилым домом) строение'. Кроме того, под вопросом ими указан допермский архетип **с̄ыу* (КЭСК 309).

В качестве типологической лексико-семантической параллели приводятся также саам. *с̄ит* 'зимнее переносное жилище саамов-оленеводов', хант. *с̄от* 'вид амбара на ножках', манс. *šum(-kwäl)* 'чум, чуман', сам. *Chome* 'юрта самоедов', *Tjōut* 'тент' (UEW 38).

И. Г. Добродомов слово *чум*, известное как название переносного жилища некоторых народов Северной Европы, Сибири, а также русских, считает тунгусским. Ссылаясь на «Толковый словарь русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова), он констатирует, что в русский язык слово попало из удмуртского (*чум* 'клеть (для одежды)' в среднем диалекте). По его предположению, первоисточником пермского названия примитивных строений *чом* можно считать суффиксально расширенное тунгусское название жилища *šy* [д̄жy], как оно представлено в эвенк. *šyuma* [д̄жyма] 'юрта, покрытая замшей из лосины', *šym* [д̄жyм] 'юрта, чум конической формы', а в

качестве передаточного звена выступали обско-угорские языки, где следы этой лексемы обнаруживаются в среднелозвинских говорах мансийского языка по старым записям Б. Мункачи: *šum(-kwäl)* 'чум, чуман', а также *šutšp* 'балаган' (Добродомов 1982 : 87).

Изложенная этимология слова *чум* позволяет достаточно определенно судить о том, что в марийском ойкониме *Чумбар* оно является удмуртским наследием, восходящим к урало-алтайскому источнику через посредство мансийского языка.

Вторая часть рассматриваемого ойконима сопоставима с удм. *выр* 'холм, возвышенность; пригорок', ср. комиЗ *вөр* 'лес', восходящее к доперм. **waga-* 'лесистая возвышенность' (КЭСК 67). Этот ряд можно значительно дополнить данными других финно-угорских и самодийских языков, ср. фин. *vaaga* 'гора, поросшая лесом', *vuori* 'гора' (РФС 139; SVS 686, 756), саам. *vårp* 'лес' (Керт 1986 : 171), морд. *вирь* 'лес' (РЭС 169; Поляков 1990 : 117), хант. *wor* 'цепь гор, холмов (на берегу реки)', *wör* 'цепь гор, холмов у реки', *or* 'лес, глухой лес'; манс. *wār-*: *wārnā* 'в еловом, пихтовом лесу'; ?венг. *ort* 'нос, выступ, передняя, носовая часть, вершина горы', *orot* 'вершина горы, верх, верхушка'; ? сам. кам. *bōr* 'гора, возвышенность' (UEW 571).

Л. В. Дмитриева, исследуя этимологии географических апеллятивов в тюркских и алтайских языках, отмечает широкое распространение слова *вөр* ~ *вор* ~ *вэр* ~ *вирв* (скорее всего *вирь*, ср. морд. *вирь* 'лес') 'лес' в топонимах Поволжья и, оперируя данными ТМС, указывает, что в тунгусо-маньчжурских языках есть близкая по звучанию и значению лексема: эвенк. *урэ* ~ *урэ* 'гора; горная тайга; лес'; сол. *урэ*, ороч. *увэ* ~ *уэ*, удэг. *вэ* ~ *уэ*, ульч. *хурэ(н-)* 'гора'; эвен. *урэчэн* 'гора; сопка; камень'; нег. *ујэ* 'гора; сопка'; орок. *хурэ(н-)* ~ *хурэүэ(н-)* 'гора; тайга; лес'; нан. *хурэ* 'гора; сопка; тайга; лес'; маньч. *вэхэ* 'камень; скала'; чж. *wōhhēi* ~ *wohleh* 'камень', и вторая лексема: эвенк. *хур* 'лес; горная тайга', ороч. *хуэ(н-)* то же, орок. *пурэ(н-)* 'тайга', ульч. *пурэ(н-)*, нан. *пурэ* 'глушь; глухое место в тайге'. По ее мнению, фонетическая и, если учесть известную для многих языков мира семасиологическую связь 'лес' \leftrightarrow 'гора', семантическая близость этих лексем очевидна. На основании сопоставления лексем урало-алтайских языков Л. В. Дмитриева приходит к предположению, что в тюрк. *орман* 'лес' элемент *ор*, общий с т.-маньч. *ур* ~ *хур* (*хур*) ~ *вэх* (< *wōh*), монг. *or* (в п.-монг. *orbin*, монг. *орван*), ф.-у. *вөр* ~ *вор* ~ *вэр* ~ *вирв*, обозначал 'возвышенность, поросшая лесом', а что касается его фонетического облика, то в анлауте исходной формы, судя по показаниям ряда тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языков, он имел согласный *h-* (*χ-*) ~ *b-* (1984 : 150).

Разделяя мнение Л. В. Дмитриевой в отношении реконструируемой исходной семантики финно-угорского и тунгусо-маньчжурского слов, следует заметить, что в абсолютном начале архетипа финно-угорского слова выступал не губно-губной смычный **b*, а билабиальный фрикативный **w*, который сохранился в виде губно-губного в марийских и обско-угорских языках, в остальных же перешел в лабиодентальный (ОФУЯ 130), ср. фонетический облик лексемы 'кровь' в финно-угорских языках: **wire* или **were* > фин. *veri* (*veren*), эст. *veri* (*vere*), саам. *vårrå*, эрз., мокш. *верь*, *варь*, мар. *вйр*, *вйр*, удм., коми *вир*, хант. *wör*, манс. *wiyr*, венг. *vér* (ОФУЯ 412).

Г. Березки среди пермских слов, заимствованных диалектами марийского языка, называет и *varš* 'лес'. Исходя из близости семантики, он относит его к коми источнику (Berezcki 1977 : 57—77). Акцентируя свое внима-

ние на анализе работы Г. Березки «Пермско-марийские лексические связи», И. В. Тараканов замечает, что среди 18 слов, охарактеризованных как коми заимствования в марийском языке, имеются и удмуртские. Иллюстрируя удмуртско-коми лексические параллели, он приводит и мар. *warš* 'лес' < коми *vör* 'лес', удм. *выр* 'возвышенность, бугорок, холм' (Тараканов 1982 : 172).

Г. Березки указал на связь марГ *wärəš* 'холм' с комиЗ *wgr* 'лес', причем лексема сопоставляется с удм. *vjr* 'возвышенность' (Bereczki 1990 : 122).

Позже Г. Березки марийские диалектные варианты *warəš*, *warjš*, *warš*, *wärəš* 'холм, возвышение; ряд при косьбе сена' рассматривает в подрубке «Прапермские или праудмуртские заимствования», отдавая предпочтение диалектным материалам коми языка (Bereczki 1992 : 113). Однако, как свидетельствует семантика приведенных примеров, марийские варианты своим лексическим содержанием наиболее близки к удм. *vjr* 'холм, насыпь плотины', а второе значение, видимо, вторично, возникло на основе метафоры. Причем показательно, что коми *vör* в большинстве диалектов бытует со значением 'лес', лишь вым., уд. *vrjem*, иж. *vrjem* означает 'вал сгребаемого сена (на лугу)' (Bereczki 1992 : 113; КЭСК 67).

Интересно, что *варыш* фигурирует и как 'возвышенность, холм, бугорок'; например: *Ошман, моканше варыш-влак ѳмбалне кугезе пўнчө-влак гўжлат* 'На замшелых песчаных холмах шумят древние сосны' (СМЯ 187—188).

Рассматривая историю происхождения *варыш* 'возвышенность', Ф. И. Гордеев расчленяет его на *вара* + деривативный суффикс *-киш* и реконструирует праформу в виде **варакиш*. При этом марийское слово сопоставляется с фин. *vaara* 'гора, сопка', саам. *varre* ~ *vare* 'гора; лес', комиЗ *vör*, удм. *выр* 'возвышенность, бугорок, холм, насыпь' (1983 : 50). Следует при этом подчеркнуть, что значение коми-зырянского слова идентифицировано с семантикой удм. *выр*. Само по себе восстановление гипотетического суффикса в этимологизируемом слове вряд ли может вызвать возражения. Однако не исключена возможность, что генетически он восходит к ур. *-s.

Правда, в уралоистике по поводу происхождения этого суффикса существует два основных мнения: одни возводят его к ф.-у. *-ks, при этом предполагается метатеза *-ks > *-sk и последующее отпадение исходного k; другие считают s-овые суффиксы реликтами ф.-у. или даже ур. *-s (Федюнова 1985 : 50; Галкин 1966 : 16).

Появление *b* в ойкониме-компоните *Чумбар* связано с контактной прогрессивной ассимиляцией по способу образования. Изменение (*w >) v > b в позиции после смычного сонанта *m*, явно вызванное на марийской почве артикуляционной аттракцией, в действительности представляет собой результат действия целого ряда импульсов внутреннего характера. Одним из них является «давление системы», стремящейся к установлению минимума полезных фонематических противопоставлений рядом стоящих звуков. Так, согласный *m* характеризуется как билабиальный смычный носовой сонант, а мар. *β* определяется как билабиальный фрикативный звонкий согласный (СМЯ 1960 : 98). Восстановление нарушенного равновесия дифференциальных и интегральных признаков произошло за счет дефрикатизации фонемы *β*. Поэтому совершенно естественно, что в позиции после смычного *m* на месте лит. *β* в большинстве диалектов марийского языка выступает смычный *b*: *kamboza-š* 'упасть', *šembu-j* 'черноголовка (птица)', *tramba-j* < рус. *трамвай* и др.

Устранение суффикса, входящего в основу, произошло, очевидно, при словосложении, а редуцированный *ä*, оказавшись в абсолютном исходе слова, отпал. В финно-угроведении принято считать, что отпадение конечных гласных нельзя относить к глубокой древности. При этом, однако, подмечено, что оно имело место в жизни отдельных языков (например, в прамарийском) или праязыков отдельных ветвей (в общепермскую эпоху) (ОФУЯ 202—203).

Отпадение конечного *a* в общепермскую эпоху вызвало ряд изменений в фонетическом облике доперм. **waga-*, ср. комиЗ *vör* 'лес'; комиЯ *wш-г* 'лес', коми диал. *вgr* 'лес'; удм. *vgr* 'возвышенность, бугорок, холм, насыпь' (Лыткин 1964 : 142).

Что касается семантики ойконима-композицы *Чумбар*, то есть основания думать, что она обозначала охотничью избушку на лесистой возвышенности или избушку (лачугу, шалаш) на возвышенности, поросшей лесом. Ландшафт местности и географическое расположение деревни вполне оправдывают такое семантическое содержание.

В заключение следует отметить, что этимологические разыскания «темных» лексем должны быть не узколингвистическими, а широкомасштабными историко-культурными исследованиями, оперирующими данными материальной и духовной культуры родственных и неродственных соседствующих народов, с привлечением не только языковых материалов, но и данных археологии, истории, этнографии. Очевидно, что такого рода изыскания послужат критерием семантической надежности этимологической интерпретации субстратных тополексем.

Сокращения

вым. — вымский диалект коми-зырянского языка; **иж.** — ижемский диалект коми-зырянского языка; **кильм.** — кильмезский говор марийского языка; **маньч.** — маньчжурский язык; **мал.** — малмыжский говор марийского языка; **ман.** — манихейские тексты на согдийском языке; **нан.** — нанайский язык; **нег.** — негидальский язык; **орок.** — орокский язык; **ороч.** — ороцкий язык; **п.-монг.** — письменный монгольский язык; **сол.** — солонский язык; **т.-маньч.** — тунгусо-маньчжурские языки; **уд.** — удорский диалект коми-зырянского языка; **удэг.** — удэгейский язык; **ульч.** — ульчский язык; **урж.** — уржумский говор марийского языка; **чж.** — чжурженский язык; **эвен.** — эвенский язык; **эвенк.** — эвенкийский язык.

МРС — Марийско-русский словарь, Йошкар-Ола 1991; **ОИЯ** — Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки, Москва 1979; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974; **РФС** — Русско-финский словарь, Москва 1963; **РЭС** — Русско-эрзянский словарь, Москва 1948; **СГНУ** — Словарь географических названий Удмуртской АССР, Москва 1980; **СМЯ** — Словарь марийского языка I, А—З, Йошкар-Ола 1990; **СМЯ 1960** — Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола 1960; **ТМС** — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков I—II, Ленинград 1975, 1977; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **SVS** — *Suomalais-venäläinen sanakirja*, Moskova 1977.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г. А. 1976, Марийский край в памятниках археологии, Йошкар-Ола.
 Атаманов М. Г. 1988, Удмуртская ономастика, Ижевск.
 Галкин В. 1989, Названия из глубин веков. — «За коммунизм» (газета Советского района МССР) от 12 сентября 1989, № 110 (7820).
 Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. 2, Йошкар-Ола.

- 1985, Тайны марийской топонимики, Йошкар-Ола.
- 1986, Марий исторический лексикологий. Тунемме книга, Йошкар-Ола.
- 1991, Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края, Йошкар-Ола.
- Гордеев Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка, т. 2. В—Д, Йошкар-Ола.
- Дмитриева Л. В. 1984, Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках. — Алтайские этимологии, Ленинград, 130—177.
- Добродомов И. Г. 1982, О тунгусских словах в русском языке и его говорах. — Диалектная лексика 1979, 83—90.
- Износковъ И. А. 1885, Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанскаго уѣзда, съ краткимъ ихъ описаніемъ, Казань.
- О хорографическихъ мерянскихъ и черемисскихъ названіяхъ (Без обложки и титульного листа).
- Казанцев Д. Е. 1973, История шелевых согласных в марийском языке. — Вопросы марийского языкознания, вып. 3, Йошкар-Ола, 114—125.
- Керт Г. М. 1986, Словарь саамско-русский и русско-саамский. Пособие для учащихся начальной школы, Ленинград.
- Кириллова Л. Е. 1992, Микротопонимия бассейна Вала (в типологическом освещении), Ижевск.
- Кротовъ К. И. 1892, Древнія поселенія Яранскаго уѣзда. — Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. X, вып. 4—6, Казань.
- Кузнецов В. В. 1983, Принципы номинации марийских ойконимов (бассейн р. Илеть). — Вопросы марийской ономастики, вып. 4, Йошкар-Ола, 18—31.
- Кузнецов А. Н. 1993, Уральская гидрорексима в топонимии Волго-Камья. — Вопросы марийской ономастики, вып. 8, Йошкар-Ола, 44—54.
- Лыткин В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- Матвеев А. К. 1986, Методы топонимических исследований. Учебное пособие, Свердловск.
- Материалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. II. Уржумскій уѣздъ. С приложеніемъ почвенной карты и карты урожайности, Вятка 1887.
- Оранский И. М. 1979, Иранские языки в историческом освещении, Москва.
- Поляков О. Е. 1990, Русско-мокшанский разговорник, Саранск.
- Серебрянников Б. А. 1988, Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление, Москва.
- Спицынъ А. А. 1888, Къ исторіи Вятскихъ инородцевъ. — Календарь Вятской губерніи на 1889 годъ, Вятка, 207—232.
- 1889, Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края (Рефератъ, посвященный VIII археологическому съѣзду), Вятка.
- 1893, Приуральскій край. Археологическіе розысканія о древнѣйшихъ обитателяхъ Вятской губерніи. — Материалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, вып. I, Москва.
- Тараканов И. В. 1982, Об исторических связях удмуртов с другими народами по данному языку. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск, 145—173.
- Федюнева Г. В. 1985, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке, Москва.
- Юналеева Р. А. 1982, Опыт исследования заимствований (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками), Казань.
- Янтемир М. Н. 1927, Описание Маробласти. Оршанский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона), вып. VI, Краснококшайск.
- 1928, Описание Маробласти. Сернурский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона), вып. VII, Йошкар-Ола.
- 1929, Описание Маробласти. Торъяльский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона), вып. VIII, Йошкар-Ола.
- Вегесзки, G. 1977, Permi-cseremisiz lexikális kölcsönzések. — NyK 79.
- 1990, Chrestomathia ceremissica, Budapest.
- 1992, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II, Szeged (Studia Uralo-Altaica 34).

ON ETYMOLOGIZATION OF SUBSTRATIONAL TOPOLEXEMES

Etymologization of substrational lexicology entails great difficulties: the initial form of a word may be subjected to a very strong adaptation on a superstrational linguistic foundation or it may change greatly in the flow of later phonetic alterations.

Thus the ural hydrolexeme **si* 'river' has changed to *ši* in the Mari language. Due to these changes heterogeneous homonyms begin to appear (*ši* 'river' and *ši* 'silver'), making the etymological interpretation of sublexeme more complicated. That's why in some linguistic sources one can find a lot of explanations, based on purely external correlations, e.g. *Чумбар* in the tatar linguistic material (compare tat. *чембару* with variants *чамбар*, *чумбар* meaning 'wide leather or unbleached cotton trousers').

However, historic ethnographical and archaeological facts affirm the udmurt origin of this word. As for its semantics, one can believe that it denoted 'a hunter's hut on a forest hill' or 'a hut (shanty, tent, shack) on a hill, covered with forest'.

Hence, etymological research on doubtful lexemes should not be only linguistic, but also historico-cultural, using not only facts of linguistics, but also of history, archaeology and ethnography.